

Делегирование и политический фетишизм

1983

Стенограмма выступления, которое состоялось в Ассоциации студентов-протестантов в Париже 7 июня 1983 года.

« Аристократы интеллигенции полагают, что есть истины, о которых не следует говорить народу. Я же, социалист революционер, заклятый враг всяческой аристократии и опеки, думаю, напротив, что с народом нужно говорить обо всём. Другого средства дать ему полную свободу — нет.

М. Бакунин.

Делегирование, посредством которого одно лицо, как говорят, даёт власть другому лицу, перенос власти, когда доверитель разрешает доверенному лицу подписываться, действовать или говорить вместо себя, давая тому доверенность, то есть plena potentia agendi (полную власть действовать за него), — это сложный акт, заслуживающий осмысления. Полновластный представитель, министр, доверенное лицо, делегат, депутат, парламентарий, официальное лицо — это те, кто имеет мандат, поручение или доверенность представлять (слово чрезвычайно полисемичное), то есть заставлять видеть и ценить интересы какого-либо лица или группы. Но если верно, что делегировать — значит поручить кому-либо отвечать за некую функцию, миссию, передавая ему свою власть, то мы должны спросить себя: как же получается, что доверенное лицо может иметь власть над тем, кто ему эту власть дал?

Когда действие делегирования осуществляется одним лицом в пользу другого, всё более или менее ясно. Но когда одно-единственное лицо является носителем полномочий целой группы лиц, оно наделяется властью, которая может быть трансцендентной по отношению к каждому из этих доверителей. Тем самым оно становится как бы воплощением того, что последователи Дюркгейма нередко называли трансцендентностью социального. Однако это не все. Отношение делегирования рискует скрыть суть отношения представительства и парадокс ситуации, когда некая группа может существовать только посредством делегирования частному лицу: генеральному директору, Папе и тому подобным, которое может действовать в качестве юридического лица, замещая группу. Во всех этих случаях, в соответствии с формулой юристов канонического права «Церковь — это Папа», кажется, что группа производит человека, говорящего вместо неё и от её имени, если мы думаем в терминах делегирования, но в действительности почти так же правильно будет сказать, что

это официальный представитель производит группу. Представляемая и символизируемая группа существует именно потому, что существует представитель и обратно, именно существование группы даёт возможность агенту существовать в качестве её представителя. В этом круговом отношении можно видеть основание иллюзии, когда до определённого предела представитель может казаться другим и самому себе как *causa sui*, поскольку он является причиной того, что порождает его власть, и поскольку группа, сотворившая его как уполномоченное лицо, не существовала бы по меньшей мере, не существовала бы в полном объёме как представительная группа), если бы не было лица, её воплощающего.

Такой изначально круговой характер представительства не всегда понимался: его подменяли множеством вопросов, из которых самым распространённым был вопрос о сознательности. Неясным оставался также вопрос о политическом фетишизме и о том процессе, в ходе которого индивиды составляют группу (или составляются в группу) и при этом теряют контроль над группой, в которой Делегирование и политический фетишизм [1] или с помощью которой они сформировались. Политическому присуща своего рода антиномия, состоящая в том, что индивиды не могут (причём тем в большей степени, чем более они обделены) конституироваться или быть конституированными в группу, то есть в силу, способную заставить слушать себя, говорить и быть услышанной иначе, как отказавшись от своих прав в пользу официального представителя. Нужно постоянно идти на риск политического отчуждения для того, чтобы его избежать. (На самом деле, эта антиномия действительно существует только для тех, кто находится в подчинённом положении. Упрощая, можно было бы сказать, что доминирующие существуют всегда, в то время как подчинённые — только мобилизуясь и получая инструменты представительства. Может быть, только за исключением периодов реставрации, наступающих после больших кризисов, доминирующие заинтересованы в свободе действий, в независимых и изолированных стратегиях агентов, от которых требуется только быть разумными, чтобы оставаться рациональными и воспроизводить установленный порядок.)

Именно делегирование, забытое и игнорируемое, является началом политического отчуждения. Доверенные лица и министры, служители государства или культа, согласно формулировке Маркса по поводу фетишизма, есть «продукты человеческого мозга, которые представляются самостоятельными существами, одарёнными собственной жизнью» [2]. Политические фетиши суть люди, вещи, сущности, которые, кажется, обязаны своим существованием только самим себе, в то время как они получили его от социальных агентов. Доверители обожают собственные творения. Политическое идолопоклонничество заключается как раз в том, что ценность, придаваемая политическому персонажу, этому продукту человеческого мозга, кажется чудесным объективным свойством личности, её шармом или харизмой. *Ministetium* проявляется как *mysterium*. Здесь можно было бы ещё раз процитировать Маркса, конечно, *cum grano salis*, (С крупинкой соли [лат.] — то есть с солью остроумия, иронически или критически, с некоторой поправкой, с известной оговоркой. — Прим. пер.) поскольку очевидно, что его рассуждения о фетишизме не относились к политическому фетишизму. В том же знаменитом отрывке Маркс говорит: «У стоимости не написано на лбу, что она такое» [3]. Это и есть определение харизмы, в веберовском понимании, то есть такая власть, которая имеет основание в себе самой, дар, манна и тому подобное.

Таким образом, делегирование — это акт, с помощью которого группа создаёт саму себя, обретая совокупность признаков, собственно делающих её группой, а именно: постоянное помещение, освобождённых работников, бюро, понимаемое в различных смыслах и прежде всего в смысле бюрократической формы организации с печатью, штампами, подписями, передачей права подписи и так далее. Группа существует, когда располагает постоянным представительным органом, наделённым *plena potentia agendi* и *sigillum authenticum*, (Доказательство подлинности, аутентичности — [лат.] — Прим. пер.) а следовательно, способным замещать (говорить за кого-то — значит говорить вместо) серийные группы, состоящие из разобщённых и изолированных индивидов, постоянно обновляющихся, способных действовать и говорить только от своего имени. Другое действие делегирования, в значительно большей мере скрытое, к нему ещё нужно будет вернуться, — это акт, посредством которого уже конституированная социальная реальность: партия, церковь — даёт мандат некоему индивиду. Я употребляю намеренно бюрократа чешское слово «мандат». Оно применимо и к секретарю («бюро» очень хорошо сочетается с «секретарём»), и к министру, и к Генеральному секретарю, и к другим позициям. И уже не доверитель назначает своего делегата, а бюро вверяет мандат уполномоченному представителю.

Я сейчас постараюсь объяснить суть этого «чёрного ящика»: во-первых, это означает переход от атомизированных субъектов к бюро, во-вторых, — переход от бюро к секретарю. При анализе этих двух механизмов воспользуемся моделью церкви. Церковь, а через неё и каждый из её членов, располагает «монополией на легитимное манипулирование средствами спасения». В этих условиях делегирование является актом, с помощью которого церковь (а не просто верующие) наделяет священнослужителя полномочием действовать от своего имени. В чём же состоит таинство богослужения. В том, что доверенное лицо оказывается способным действовать в качестве субститута группы своих доверителей, благодаря неосознанному делегированию (я говорил о нём, как о вполне осознанном, исключительно в целях ясности изложения, как принято говорить о таком артефакте, как идея общественного договора). Иначе говоря, доверенное лицо находится с группой в своего рода отношении метонимии: оно является частью группы, способной функционировать как знак вместо целой группы. Это доверенное лицо может действовать как пассивный, объективный знак, который в качестве представителя и в качестве группы *in effigie* (В воображении — [лат.] — Прим. пер.) обозначает, показывает существование своих доверителей (сказать, что ВКТ была принята в Елисейском дворце, значит сказать, что вместо означаемой вещи был принят знак). Более того, этот знак говорит и, будучи официальным представителем, может сказать, чем он является, что он делает и что представляет, и как он представляет себе, что такое представительство. И когда говорят, что «ВКТ была принята в Елисейском дворце», то хотят сказать, что все члены организации были представлены там двумя способами: самим фактом демонстрации и в виде присутствия представителя а, при необходимости — в речи представителя.

Становится очевидным, что уже в самом акте делегирования заложена возможность для злоупотреблений. В той мере, в какой при делегировании доверители всё чаще и чаще «подписывают незаполненный чек» на имя своего доверенного (так как часто не представляют, на какие вопросы тому придётся отвечать), они сдают на его милость. В средневековой традиции такая вера доверителей, которые вверяли себя в руки институции, называлась *fides implidta* (Всеобщая конфедерация труда Франции. — Прим. пер.). Эта

замечательная формулировка очень легко переносится на политику. Чем более люди обделены (особенно в культурном отношении), тем более они вынуждены и склонны верить себя доверенным лицам, чтобы получить возможность заявить о себе в политике. В самом деле, у индивидов в изолированном состоянии, молчащих и не имеющих слова, нет ни способности, ни возможности заставить слушать себя и быть услышанными. Они стоят перед выбором: либо умолкнуть, либо позволить говорить за себя. В предельном случае групп, находящихся в подчинённом положении, акт символизации, благодаря которому определяются их официальные представители, то есть конституируется «движение», совпадает с актом конституировать группы. Здесь знак создаёт означаемое явление, означающее идентифицируется с означаемым, которое не существовало бы без него, которое сводится к нему. Обозначающий — это не только тот, кто выражает и представляет означаемую группу, но и тот, благодаря кому группа узнает, что она существует и кто имеет возможность обеспечить ей видимое существование с помощью мобилизации. Это тот, кто при определённых условиях, благодаря власти, данной ему делегированием, может мобилизовать группу, например, на демонстрацию. Когда он говорит: «Я продемонстрирую свою способность представлять, представив людей, которых я представляю» (отсюда и вечные споры о числе манифестантов), то демонстрируя тех, кто его делегировал, официальный представитель доказывает свою легитимность. Однако он обладает властью демонстрировать демонстрантов, потому что он некоторым образом есть группа, которую демонстрирует.

Иначе говоря, можно показать, что и кадрам (как это сделал Люк Болтански), и пролетариату, и преподавателям для выхода из серийного, как говорил Сартр, существования и перехода к коллективному существованию необходимо — другого пути нет — прибегнуть к услугам представителя. Именно объективация в «движении», в «организации», посредством типичной для социальной магии *fictio juris* (Юридической фикции — [лат.] — Прим. пер.), позволяет простому *collectio personarum plurium* (Собранию многих лиц — [лат.] — Прим. пер.) существовать в качестве юридического лица, в качестве социального агента.

Я хочу привести пример, заимствованный из самой повседневной, самой обычной политической жизни, той, что ежедневно проходит у нас перед глазами. Сделаю это только, чтобы быть понятным, однако рискуя быть слишком легко понятным тем самым обычным полупониманием, что является основным препятствием на пути к истинному пониманию. Самое трудное в социологии — это научиться удивляться и недоумевать относительно вещей, которые давно считаются понятными. Вот почему порой, чтобы действительно понять самое простое, начинать следует с самого трудного. Например, во время майских событий 1968 года неожиданно возник некий господин Бэйе, который на протяжении всех этих «дней» непрестанно выступал за интересы агреше, как президент «Общества агреше», хотя в то время это общество практически не имело социальной базы. Мы видим здесь типичный пример узурпаторства: некто пытается убедить (кого? — спросите вы. — По меньшей мере прессу, обычно признающую только представителей и только с ними имеющую дело, обрекая других на «свободный обмен мнениями»), что «за ним» стоит определённая группа, раз он может говорить от её имени в качестве юридического лица, не будучи никем уличён во лжи. Здесь мы оказываемся перед парадоксом: узурпатор тем надёжнее защищён от риска быть уличённым во лжи, чем меньше у него сторонников, а отсутствие разоблачений

на деле может указывать на их полное отсутствие. Что можно противопоставить такому человеку? Можно публично протестовать, можно начать собирать подписи под петицией.

Так, когда члены коммунистической партии пытаются избавиться от бюро, они возвращаются к серийному состоянию, то есть к положению изолированных индивидов, и вынуждены заново обзаводиться своим официальным представителем, бюро, группой для того, чтобы избавиться от представителя, бюро, группы, то есть они обращаются к тому, против чего постоянно выступает большинство движений, особенно социалистических, — к «фракционизму». Иначе говоря, как можно бороться против узурпации власти уполномоченными представителями? Конечно же, существуют индивидуальные ответы на любые формы подавления коллективом — *exit and voice*, как выражается Альбер Хершман: либо уход, либо протест. А можно ещё создать новое общество, И если вы обратитесь к газетам того времени, то узнаете, что к 20 мая 1968 года возникло ещё одно «Общество агреже» со своим Генеральным секретарём, печатью, бюро и так далее. И так без конца.

Следовательно, основополагающий, в философском и политическом смысле, акт конструирования, каким представляется делегирование, есть магический акт, который позволяет простому собранию множества лиц, рядоположенным индивидам, существовать в форме фиктивного лица, *corporatio*, корпуса, мистического тела, ставшего социальным телом, которое само трансцендентно по отношению к составляющим его отдельным биологическим телам («*corpus corporarwn in corpore corporate*»).

Самоосвящение доверенных лиц

Показав, как узурпация потенциально содержится в делегировании, а факт говорить за кого-то, то есть в его пользу и от его имени, влечёт естественную склонность говорить вместо него, я хотел бы теперь остановиться на тех распространённых стратегиях, с помощью которых доверенное лицо стремится к самоосвящению. Чтобы иметь возможность отождествить себя с группой и сказать: «Я есть группа», «Я существую, следовательно, группа существует», доверенное лицо должно в некотором роде раствориться в группе, отказаться от своей личности в пользу группы, громко и торжественно заявить о себе: «Я существую только благодаря группе». Узурпация, осуществляемая доверенным лицом, по необходимости скромна и предполагает скромность. Без сомнения, именно поэтому все аппаратчики имеют фамильное сходство. Можно говорить о своего рода лицемерии, структурно присущем доверенному лицу, которое, чтобы присвоить себе авторитет группы, должно идентифицировать себя с ней, свести себя к группе, дающей ему свой авторитет. Мне хотелось бы процитировать Канта, отмечавшего в «Религии в пределах только разума», что если бы Церковь основывалась на безусловной, а не на рациональной вере, то у неё были бы не «служители» (*ministri*), а «высокопоставленные функционеры» (*officiates*), которые посвящают в сан и которые, даже когда они не выступают во всём «иерархическом блеске», как, например, в протестантской церкви, и «на словах восстают против подобных претензий, тем не менее, желают, чтобы их рассматривали как единственных уполномоченных толкователей Священного Писания». Они превращают тем самым «служение» (*mimsterium*) Церкви в господство (*imperiw*n) над её членами, хотя, для того чтобы скрыть факт узурпации, пользуются скромным званием служителей». Таинство

служения возможно только при условии, что служитель скрывает свою узурпацию и *imperium* (господство), которое она ему обеспечивает, представляясь простым и смиренным служителем. Ибо использование в личных интересах преимуществ своего положения возможно лишь в той мере, в какой агент от себя это скрывает. Это входит в само определение символической власти. Символическая власть есть власть, которая предполагает признание, то есть не знание о факте творимого ей насилия. Следовательно, символическое насилие служителя может осуществляться лишь при условии некоторого соучастия со стороны тех, кто испытывает на себе это насилие.

Ницше очень хорошо говорит об этом в «Антихристе», в котором следует видеть критику не столько христианства, сколько доверенных лиц и делегатов, поскольку служители католического культа суть воплощение доверенного лица. Вот почему он яростно нападает на священнослужителей и их святейшее лицемерие, а также на стратегии, с помощью которых доверенные лица возводят себя в абсолют и самоосвящаются. Первый приём, которым может воспользоваться священнослужитель, состоит в том, чтобы показать свою необходимость. Кант уже упоминал о ссылках на необходимость толкования текстов и их законного прочтения. Под этим полностью подписывается и Ницше: «При чтении этих Евангелий нужно быть как можно более осторожным: за каждым словом встречается затруднение» [4]. Этим Ницше хочет сказать, что для самоосвящения в качестве необходимого толкователя посредник должен создать потребность в своём продукте, а для этого ему нужно указать на трудности, с которыми только он один в состоянии справиться. Доверенное лицо производит, таким образом, — я снова цитирую Ницше — «обращение самого себя в святого». Для доказательства своей необходимости доверенное лицо прибегает также к стратегии «безличного долга». «Ничто не разрушает так глубоко, так захватывающе, как всякий «безличный долг», всякая жертва молоху абстракции» [5]. Доверенное лицо — это тот, кто ставит перед собой священные задачи: «Принимая во внимание, что почти у всех народов философ есть только дальнейшее развитие жреческого типа, нечего удивляться его жульничеству перед самим собой, этому наследию жреца. Если имеешь священные задачи вроде исправления, спасения, искупления человечества... сам, освящённый подобной задачей, изображаешь тип высшего порядка!» [6]. (У Ж.-П. Сартра — это установка сознания, скрывающего от самого себя истину, самообман. — Прим. пер.)

Все эти стратегии священнослужителей имеют в своей основе лицемерие (*mauvaise foi*) в сартровском смысле слова, то есть самообман, «святую ложь», с помощью которой священнослужитель, определяя ценность вещей, объявляет абсолютно хорошими именно те вещи, которые хороши для него. Священнослужитель, считает Ницше, — это тот, кто осмеливается «назвать «Богом» свою собственную волю» [7]. (Мы могли бы также сказать: политик называет народом, общественным мнением, нацией свою волю.) Я вновь ссылаюсь на Ницше: «Закон», «воля Божья», «священная книга», «Боговдохновение» — всё это только слова для обозначения условий, при которых жрец идёт к власти, которыми он поддерживает свою власть, — эти понятия лежат в основе всех жреческих организаций, всех жреческих и жреческо-философских проявлений господства» [8]. Этим Ницше хочет сказать, что выборные представители приспосабливают к своим нуждам всеобщие ценности, присваивают их, «конфискуют мораль» [9] и завладевают таким образом понятиями Бог, Истина, Мудрость, Народ, Свобода и так далее, превращая их в синонимы. В синонимы чего? — Самих себя: «Я есть Истина». Они выдают себя за святых, освящают себя

и одновременно проводят границу между собой и простыми смертными, становясь тем самым, по словам Ницше, «мерой всех вещей».

Лучше всего функция священнического смирения проявляется в том, что я назвал бы эффектом оракула, благодаря которому официальный представитель заставляет говорить группу, от чьего имени он выступает, говоря со всем авторитетом этого неуловимого отсутствующего: самоуничтожаясь полностью во благо Бога или Народа, священнослужитель превращает себя в Бога и Народ. Именно тогда, когда Я становлюсь Ничем, — потому что Я способен превратиться в Ничто, раствориться, забыть себя, пожертвовать собой, посвятить себя, — Я становлюсь Всем. Я только доверенное лицо Бога или Народа, но то, от имени чего Я выступаю, является Всем, и потому Я — Все. Эффект оракула — это, по существу, раздвоение личности: индивидуальная личность, «Я» самоуничтожается в пользу трансцендентного юридического лица («Я жертвую собой ради Франции»). Условием доступа к духовной власти является настоящая метанойя (metanopa), или превращение: обычный индивид должен умереть, чтобы вновь явиться в виде юридического лица. Умри — и стань институтом (именно это происходит при обрядах посвящения). Парадоксальным образом те, кто сделался Ничем, чтобы стать Всем, могут перевернуть это отношение и начать упрекать тех, кто остаются самими собой и выступают только от своего имени, в том, что они и фактически, и юридически являются Ничем (поскольку неспособны на Самоотречение и тому подобное). Именно такое право выносить выговора и обвинять других является одной из привилегий положения активистов.

Короче говоря, эффект оракула есть один из феноменов, которые нам кажутся очень понятными — все мы слышали о Пифии, о жрецах, трактующих высказывания оракула, — но мы не научились распознавать этот эффект в ряде ситуаций, когда кто-то говорит от имени чего-то такого, что он взывает к жизни самим фактом своей речи. Целая серия символических эффектов, обычных для политической жизни, покоится на такого рода узурпаторском чревоуещании, состоящем в том, чтобы заставить говорить тех, от чьего имени говоришь и имеешь право говорить, заставить говорить народ, от чьего имени тебе позволено говорить. Очень редко политик, произносящий слова «народ, классы, народные массы», не прибегает к эффекту оракула, то есть к приёму, смысл которого заключается в том, чтобы производить сообщение и одновременно расшифровывать его, чтобы заставить поверить, что «я — это другой», что официальный представитель, этот простой символический субститут народа, есть действительно народ, в том смысле, что всё сказанное им — это правда и жизнь народа.

Узурпация, заключающаяся в факте самоутверждения своей способности говорить «от имени кого-то», — это то, что позволяет перейти от изъявительного наклонения к повелительному. Если я, Пьер Бурдьё, единичный социальный атом, находящийся в изолированном состоянии и выступающий только от своего имени, говорю: «Нужно сделать то-то и то-то... свергнуть правительство... отказаться от ракет типа «Першинг», то вряд ли меня станут слушать. Но если я в ситуации, определённой моим официальным положением, могу выступать «от имени населения» или тем более «от имени населения, науки и научного социализма», то всё меняется. Переход от изъявительного наклонения к повелительному (и последователи Дюркгейма, пытавшиеся основать мораль на науке о нравах, хорошо это чувствовали) предполагает переход от индивидуального к коллективному как основанию

всякого признанного или могущего быть признанным принуждения.

Эффект оракула, являя собой крайнюю форму успешности, есть то, что позволяет уполномоченному представителю, опираясь на авторитет уполномочившей его группы, применять по отношению к каждому из её членов легитимное принуждение, символическое насилие. Если я — человек, ставший коллективом, человек, ставший группой, и если эта группа есть группа, частью которой вы являетесь и которая вас определяет и даёт вам идентичность, что, собственно, и делает вас преподавателем, протестантом, католиком и тому подобное, то остаётся только повиноваться. Эффект оракула — это эксплуатация трансцендентности группы по отношению к индивиду, осуществляемая одним из индивидов, действительно являющимся в определённом смысле группой. Возможно, это происходит потому, что никто не может встать и сказать: «Ты — не группа», иначе, как создав другую группу и добившись признания себя в качестве её доверенного лица.

Такой парадокс монополизации коллективной истины лежит в основе любого эффекта символического принуждения: я являюсь группой, то есть коллективным принуждением, принуждением коллектива по отношению к каждому его члену, я — человек, ставший коллективом, и одновременно я тот, кто манипулирует группой от имени самой этой группы; я ссылаюсь на группу, которая разрешает мне осуществлять по отношению к ней принуждение. (Насилие, заключённое в эффекте оракула, нигде так сильно не ощущается, как в ситуациях собраний — в ситуациях типично ектлезиастических, когда уполномоченные в обычном порядке представители, а в кризисных ситуациях сами себя уполномочившие профессиональные представители, — получают возможность говорить от имени всей собравшейся группы. Это насилие проявляется в почти физической невозможности диссидентских, расходящихся с другими выступлений против принудительного единодушия, обеспечиваемого монополией на выступления, и такими техническими приёмами достижения единогласия, как голосование поднятием руки или манипулирование резолюциями.)

Следовало бы провести лингвистический анализ такой двойной игры и риторических стратегий, с помощью которых находит своё выражение структурное лицемерие официальных представителей, в частности, постоянный переход от «мы» к «Я». В области символического силовые приёмы переводятся в формальные приёмы. При условии, что мы знаем это, лингвистический анализ может стать инструментом политической критики, а риторика — наукой о символической власти. Когда аппаратчик хочет применить символический силовой приём, то он с «Я» переходит на «мы». Он не говорит: «Я считаю, что вы, социологи, должны изучать рабочих», но: «Мы считаем, что вы должны...» или: «Социальный заказ диктует...». Следовательно, «Я» доверенного лица, его частный интерес должен прятаться за интересом, исповедуемым группой, и доверенное лицо должно «универсализировать свой частный интерес», как говорил Маркс, для того чтобы представить его как групповой. В более общем виде, использование абстрактного языка, характерных для политической риторики громких абстрактных слов, пустословие абстрактной доблести, которые, как это хорошо подметил ещё Гегель, порождают фанатизм и терроризм якобинского толка (достаточно почитать переписку Робеспьера с её ужасной фразеологией), — всё это характерно для логики двойной игры, лежащей в основе — с субъективной и объективной точек зрения — легитимной узурпации, совершаемой

доверенными лицами.

Возьмём в качестве примера споры вокруг народного творчества. (Меня немного беспокоит, насколько понятно то, о чём я говорю, что, очевидно, отражается на изложении.) Вы знаете о бесконечных спорах о народном и пролетарском искусстве, о социалистическом реализме, народной культуре и так далее — спорах типично теологических, в которые социология не может включиться, не попав в ловушку. Почему? Да потому, что это исключительно благодатная почва для только что описанного мной эффекта оракула. Например, то, что называют социалистическим реализмом, в действительности является продуктом типичной подмены, когда частное «Я» политических доверенных лиц, «Я» второразрядного мелкобуржуазного интеллигента, добивающегося порядка во всём и прежде всего в том, что касается высоких интеллектуалов, универсализирует себя, «самоучреждаясь» в народ.

Простейший анализ социалистического реализма мог бы показать: нет ничего народного в том, что в действительности является лишь формализмом или даже академизмом, основанным на весьма абстрактных аллегорических иллюстрациях, например, «трудящегося» и так далее (даже если это искусство, по-видимому, и отвечало — хотя и очень поверхностно — потребности народа в реализме). Если это формалистское и мелкобуржуазное искусство, будучи весьма далёким от народа и содержащим его отрицание (изображая его обнажённым по пояс, мускулистым, загорелым, устремлённым в будущее и так далее), и выражало что-либо, то это была социальная философия и бессознательный мелкобуржуазный идеал аппаратчиков, скрывавший их реальный страх перед реальным народом, идентифицируя его с идеализированным народом с факелом в руке, светочем человечества... То же самое можно было бы продемонстрировать на примере «народной культуры». Всё это — типичные случаи подмены субъекта. Духовная власть — именно это хотел показать Ницше — священнослужители, церковь, а также аппаратчики всех стран подменяют видение мира той группы, выразителями которой они себя считают, собственным мировоззрением (деформированным под воздействием их *libido dominandi*). Сегодня народом пользуются так же, как в былые времена пользовались Богом для сведения счетов между духовными лицами.)

Гомология и эффекты непризнания

Однако необходимо также задаться вопросом, почему несмотря ни на что удаются все эти стратегии двойной игры? Как получается, что эта игра доверенных лиц остаётся незамеченной? Здесь необходимо понять то, что составляет суть таинства служения, то есть «легитимное самозванство». Речь идёт не о том, чтобы, отказавшись от наивного представления о преданном доверенном лице, бескорыстном деятеле, преисполненном чувства самоотречения руководителя, впасть в другую крайность — принять представление о доверенном лице как о сознательном и целеустремлённом узурпаторе. Такое видение священнослужителя, характерное для XVIII века (Гельвеция и Гольбаха, например), весьма наивно при всей его кажущейся ясности. Ибо легитимное самозванство только потому и оказывается успешным, что узурпатор — не расчётливый циник, сознательно обманывающий народ, а человек, совершенно искренне принимающий себя за не что другое, чем он есть.

Один из механизмов, с помощью которого узурпация и двойная игра осуществляются в полной невинности, если можно так выразиться, и совершенно искренне, заключается в том, что интересы доверителей и доверенного лица в большинстве случаев в существенной мере совпадают. В силу этого доверенное лицо может верить и убеждать других, что у него нет иных интересов, кроме интересов своих доверителей. Чтобы это объяснить, я вынужден несколько отклониться в сторону и заняться более сложным анализом. Существует политическое поле (так же, как существуют, например, пространство религии, искусства и другие), то есть автономный универсум, пространство игры, в котором играют по своим особым правилам, и люди, включённые в эту игру, имеют, соответственно, специфические интересы, определённые не самими доверителями, а логикой игры. Такое политическое пространство имеет, так сказать, правую и левую стороны, доминирующих и доминируемых. Более общее социальное пространство также имеет своих доминирующих и доминируемых, то есть богатых и бедных. Оба эти пространства соотносятся друг с другом. Между ними существует гомология. Это означает, что *grosso modo* тот, кто занимает в одной игре позицию слева — «а», находится по отношению к тому, кто занимает позицию справа «б», в таком же положении, в каком тот, кто занимает в другой игре позицию слева «А», находится по отношению к тому, кто занимает позицию справа — «В». Когда у «а» появляется желание напасть на «б», чтобы свести с ним специфические счёты, он действует в своих интересах, определённых особой логикой конкуренции внутри политического поля, но вместе с тем он оказывает услугу «А». Это структурное совпадение специфических интересов доверенных лиц и доверителей лежит в самой основе таинства искреннего и успешного служения. Люди, которые хорошо служат интересам своих доверителей, тем самым хорошо служат и себе.

Если я говорю об интересах, то потому, что данное понятие выполняет функцию разрыва: оно позволяет разделить идеологию и политический фетишизм 173 и разрушить идеологию незаинтересованности — эту профессиональную идеологию служителей всякого рода. У людей, участвующих в религиозных, интеллектуальных или политических играх, есть свои специфические интересы, которые являются общезначимыми (как бы ни отличались, например, интересы генеральных директоров, ведущих свою игру в экономическом поле, от интересов других агентов). Все эти интересы символического характера — не потерять лица, не лишиться избирательного округа, заставить замолчать соперника, одержать верх над враждебным «течением», получить пост председателя и так далее — таковы, что, служа и подчиняясь им, исполнители, как нередко оказывается, служат и своим доверителям (разумеется, бывают и исключения, когда интересы доверенных лиц вступают в конфликт с интересами доверителей). Тем не менее, гораздо чаще, чем можно было бы ожидать, будь все случайным или зависящим от чисто статистических законов агрегации индивидуальных интересов, случается так, что в силу гомологии исполнители, подчиняясь тому, что от них требует их позиция в игре, служат и людям, которым они призваны служить. Эффект метонимии позволяет универсализировать частные интересы аппаратчиков и отождествить интересы доверенных лиц с интересами доверителей, которых первые призваны представлять. Главная заслуга этой модели состоит в показе того, что доверенные лица не являются циниками (или, во всяком случае, в гораздо меньшей степени и значительно реже, чем можно было бы ожидать), а сами искренне вовлечены в игру и действительно верят в то, что делают.

Часто доверители и доверенные лица, клиенты и производители находятся в отношениях структурной гомологии. Это относится и к интеллектуальному полю, и к полю журналистики. Так, например, в силу того, что журналист из «Нувель обсерватор» находится в таком же отношении к журналисту из «Фигаро», в каком читатель «Нувель обсерватор» находится по отношению к читателю «Фигаро», то когда этот журналист не отказывает себе в удовольствии свести счёты с журналистом из «Фигаро», он доставляет удовольствие и читателю «Нувель обсерватор», не стремясь при этом ему угодить. Это очень простой механизм, но им опровергается обычное представление об идеологической деятельности как о заинтересованном служении и раболепии, как о корыстном подчинении одной функции: журналист из «Фигаро» не является платным писакой на службе у епископата или лакеем капитализма и так далее. Он прежде всего журналист, который, в зависимости от конкретного момента, отдаёт предпочтение то «Нувель обсерватор», то «Либерасьон».

Уполномоченные лица аппарата

До сих пор я делал упор на отношениях между доверителями и доверенными лицами. Теперь мне необходимо рассмотреть отношения между корпусом доверенных лиц, или аппаратом, имеющим собственные интересы и, как говорил Вебер, «собственные тенденции», в частности, тенденцию к самовоспроизводству, и отдельными доверенными лицами. Когда корпус доверенных лиц, корпус священнослужителей, партия и так далее отстаивают собственные тенденции, то интересы аппарата превалируют над интересами отдельных доверенных лиц, которые в силу этого перестают быть ответственными перед лицом своих доверителей и становятся ответственными перед аппаратом. С этого момента без знания аппарата уже невозможно понять особенности доверенных лиц и их практику.

Основополагающий закон деятельности бюрократического аппарата гласит: аппарат даёт всё (в том числе и власть над самим аппаратом) тем, кто также отдаёт ему все и ждёт от него всего, потому что вне аппарата такие люди не имеют ничего или почти ничего. Выражаясь более грубым языком, аппарат дорожит больше всего теми, кто больше всего дорожит им, потому что именно они больше всего от него зависят. Зиновьев, хорошо понявший это, что неудивительно, но тем не менее остававшийся в плену ценностных суждений, писал: «Основа успеха Сталина заключается в том, что он был исключительной посредственностью». Здесь он едва не сформулировал закон. Имея в виду аппаратчиков, он в другом месте говорит об их «исключительно незначительной, но оттого и непобедимой силе». Всё это — очень красивые, но отчасти ошибочные формулировки, потому что полемический настрой, составляющий их прелесть, мешает рассматривать действительность такой, какая она есть (что вовсе не означает принятие её). Именно моральное возмущение мешает понять, почему успехов в аппарате добиваются те, кто, с точки зрения харизматической интуиции, воспринимаются как наиболее глупые и заурядные, не представляющие сами по себе никакой ценности. На самом деле они добиваются успеха вовсе не потому, что заурядны, а потому, что у них вне аппарата нет ничего, что им позволило бы решиться на какие-либо вольности в отношении этого аппарат, пойти на какие-либо уловки.

Таким образом, существует определённая и отнюдь не случайная структурная общность между аппаратом и некоторой категорией людей, характеризующихся главным образом негативно, как совершенно лишённые особенностей, обладание которыми могло бы вызвать интерес в какой-то момент времени в определённом поле. Выражаясь более нейтрально, аппарат обычно признает людей надёжных. Почему? Потому что у них нет ничего, что они могли бы противопоставить аппарату.

Так, во французской компартии в 1950-е годы и в Китае времён «культурной революции» молодёжь часто служила символическими церберами или сторожевыми псами. Следовательно, молодые — это не только энтузиазм, наивность, убеждённость, — всё то, что обычно связывают с молодостью. С моей точки зрения, молодёжь — это прежде всего те, у кого ничего нет. Это — новички, которые входят в поле, не имея капитала. И в глазах аппарата они являются пушечным мясом в борьбе со старыми кадрами, которые, постепенно обзаведясь капиталом, — либо с помощью партии, либо самостоятельно, используют его против партии. Тот же, у кого ничего нет, беспрекословен. Он тем меньше склонен к оппозиции, чем больше даёт ему аппарат, в зависимости от его сговорчивости и безвестности. Именно благодаря этому в 1950-е годы какой-нибудь двадцатипятилетний интеллигент, являясь уполномоченным аппарата, мог иметь *ex officio* такую читательскую аудиторию, на какую смели рассчитывать разве только самые именитые интеллектуалы, да и то, так сказать, за авторский счёт.

Такого рода железный закон аппаратной жизни тесно связан с другим важным процессом, о котором я хотел бы упомянуть. Это так называемый эффект бюро. Сошлюсь на анализ процесса большевизации, проведённый Марком Ферро. В начале русской революции в местных советах, заводских комитетах, то есть в спонтанно складывавшихся группах, могли участвовать все, и все могли свободно говорить и так далее. Но потом, с назначением освобождённых работников, люди стали приходить всё реже. Институционализация (советов), воплощённая в таких работниках и в бюро, всё перевернула: бюро стали стремиться монополизировать власть, число участников собраний стало сокращаться. Бюро созывали собрания, а участвующие использовались, во-первых, для того чтобы продемонстрировать представительность своих представителей и, во-вторых, чтобы утвердить их решения. Освобождённые работники начали упрекать рядовых членов за то, что они недостаточно часто посещали собрания, где им отводилась такая роль.

Такой процесс концентрации власти в руках доверенных лиц есть в некотором роде историческое осуществление того, что описывается теоретической моделью процесса делегирования. Люди собираются, разговаривают. Потом появляются освобождённые работники, и люди начинают приходить реже. Потом появляется бюро, с их особой компетенцией и специфическим языком. (Здесь можно указать на бюрократизацию научно-исследовательской деятельности: есть научные сотрудники и есть научные администраторы, призванные обслуживать научных сотрудников. Исследователи не понимают бюрократического языка: «исследовательский пакет», «приоритет», так же как им непонятен современный технократически-демократический язык «социального заказа». В один прекрасный момент исследователи перестают приходить на разного рода встречи, и тогда администраторы возмущаются их отсутствием. Остаются лишь те, у кого есть свободное время. И последствия этого можно наблюдать. Постоянный (или освобождённый)

работник, как видно из самого названия, — это тот, кто посвящает всё своё время тому, что для других является побочной или, по крайней мере, временной деятельностью. А у него есть время, ему некуда спешить. Он способен растворить в медленно текущем бюрократическом времени, в повторах, пожирающих время и энергию, любые пророческие, то есть прерывные устремления. Именно так доверенные лица накапливают власть, развивают специфическую идеологию, основанную на парадоксальном переворачивании отношений с доверителями, которые обвиняются в абсентеизме, некомпетентности, безразличии к коллективным интересам, не видя, что всё это является продуктом концентрации власти в руках постоянных работников. Мечтой всех освобождённых работников является аппарат без социальной базы, без верных сторонников, без активистов... У них есть постоянство, противостоящее сбоям непрерывности, у них есть специфическая компетентность, собственный язык, свойственная им особая культура — культура аппаратчиков, основанная на собственной истории, истории их «малых дел». (Грамши говорил об этом как-то: «Мы ведём византийские споры, у нас конфликты тенденций, течений, в которых никто ничего не понимает».) Наряду с этим существует специфическая социальная технология: эти люди становятся профессионалами манипулирования одной-единственной ситуацией, которая может доставить им неприятности, а именно ситуацией конфронтации со своими доверителями. Они умеют манипулировать генеральными ассамблеями, трансформировать голосование в бурные оциации и тому подобное. При этом в их пользу работает сама социальная логика, поскольку (нужно много времени, чтобы объяснить всё это) им достаточно ничего не делать, чтобы всё шло в соответствии с их интересами, и власть их часто заключается в произвольном выборе ничего не предпринимать и ничего не выбирать.

Становится понятным, что главное здесь — это такая переоценка ценностей, которая, в пределе, позволяет превратить оппортунизм в самоотверженность активиста. Существуют посты, привилегии, люди, получающие их. Совершенно не чувствуя себя виноватыми за преследование собственных интересов, они говорят, что заняли эти посты не для себя, а для Партии или Дела. Желая сохранить эти посты за собой, они ссылаются на общее правило, согласно которому завоёванные должности не покидают. Они называют капитулянтством и преступным диссидентством любые проявления этической щепетильности в вопросе о власти.

Итак, можно говорить о своего рода самоосвящении, или традиции, аппарата. Он всегда прав (и самокритика индивидов является последним средством против постановки под вопрос самого аппарата). Переоценка ценностей с якобинской экзальтацией как всего политического, так и политического служения, приводит к тому, что политическое отчуждение, о котором я говорил вначале, перестаёт восприниматься и, наоборот, священническое видение политики навязывается до такой степени, что начинает вызывать ощущение вины у тех, кто не занимается политическими играми. Иначе говоря, нас заставили так глубоко усвоить представление, согласно которому не быть активистом, не участвовать в политике — значит быть несколько неполноценным, что нам остаётся только вечно искупать свою вину. Поэтому последнюю политическую революцию — революцию против сословия политиков и против потенциально содержащейся в акте делегирования узурпации — ещё только предстоит совершить.

Примечания

1 Выступление в Ассоциации студентов-протестантов (Париж, 7 июня 1983 года).

2 Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Собрание сочинений. Том 23. с. 82.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Там же. с. 84.

4 Ницше Ф. Сочинения: в 2 томах. Том 2. — М., 1990. с. 668.

5 Там же. с. 639.

6 Там же. с. 639-640.

7 Там же. с. 673.

8 Там же. с. 682-683.

9 Там же. с. 669.

Версия #2

Зверобой создал 16 января 2026 21:33:30

Зверобой обновил 18 января 2026 03:59:57